

REVIEWS * ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

В. К. КЕЛЬМАКОВ (Ижевск)

О ТРУДАХ Т. К. БОРИСОВА В ОБЛАСТИ УДМУРТСКОЙ ФИЛОЛОГИИ (К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Трофим Кузьмич Борисов (1891—1943) — видный общественный, государственный и политический деятель, публицист, врач, этнограф, фольклорист и языковед — родился 19 ноября 1891 года в д. Кизекгурт (Кизеково) Алнашского района Удмуртской Республики. Начальное образование получил в земской школе, далее обучался в двухклассном училище в с. Алнаши, в Елабужском городском и Казанском техническом училищах. В 1912—1913 гг. он студент историко-филологического факультета Петербургского университета, в 1914—1916 гг. — медицинского факультета Казанского университета. После окончания университета был мобилизован на Минский фронт в качестве врача; находясь на фронте в 1917 г. вступил в партию большевиков.

После демобилизации в 1918 г. был избран в г. Елабуге председателем Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. 31 октября 1918 г. вышел первый номер газеты «Гудыри» («Гром») под руководством Т. К. Борисова. В 1920 г. он организовал Комиссариат по делам удмуртов в г. Сарапуле и стал инициатором созыва Всеудмуртской конференции коммунистов-удмуртов, на которой было принято решение об организации автономной области. Занимал различные должности в Удмуртской АО; в 1923—1925 гг. работал секретарем Калмыцкого обкома ВКП(б), за этот период написал книгу «Калмыкия. Социально-экономический очерк о Калмыцкой автономной области» (Москва—Ленинград 1926). В связи с переводом И. А. Наговицына в Москву был отозван в Удмуртию и 11 августа 1925 г. избран председателем Вотского АО. В 1929—1932 гг. заведовал облздравотделом; в 1932 г. поступил в аспирантуру института им. Броннера и одновременно работал врачом-венерологом в Подмоскovie.

Т. К. Борисов неоднократно арестовывался: 1) в январе 1928 г. был осужден к 5 годам лишения свободы; наказание в течение 6 месяцев отбывал в г. Сыктывкаре (затем судимость была снята); 2) 14 января 1933 г. был арестован и в июне того же года был осужден по «Делу СОФИН»; сидел в Иркутском центральном, затем отбывал наказание в Алма-Ате и Кустанае; 3) в 1940 г. был вновь осужден, наказание отбывал в Малгобекском свинцовом руднике. Умер в Кентауском лагере НКВД 4 июня 1943 г.

Источники указывают разные годы реабилитации: «Реабилитирован в 1988 г.» (Писатели Удмуртии: 58) и «Реабилитирован по всем судимостям Пост. Пленума Верховного суда СССР от 20 сент. 1989 г.» (Удмуртская Республика. Энциклопедия 2000).

Литературным творчеством и гуманитарными науками заинтересовался еще будучи студентом Петербургского университета; тогда же, в 1913 году, начал собирать южноудмуртские народные песни, легшие в дальнейшем в основу его сборника «Песни южных вотяков» (Борисов 1929). С 1918 по 1923 год почти каждый номер газеты «Гудыри» выходил с его публицистическими статьями, стихами, листовками. В 1919 г. составил и издал две антологии удмуртской поэзии — на северном диалекте (Удмурт кылбуръес, Вятка 1919) и южном (Удмурт стихотворен-

няос, Елабуга 1919). Вместе с К. Гердом организовал при редакции газеты «Гудыри» литературную студию; в 1921 г. возглавил подготовку первого съезда удмуртских писателей; инициировал создание Всеудмуртской ассоциации революционных писателей.

Что касается его филологического творчества, то в этой области гуманитарных наук Т. К. Борисов известен, по имеющимся сведениям, тремя трудами.

1. Как свидетельствуют некоторые библиографии и справочники (Вахрушев 1977 : 95; Писатели Удмуртии 1989 : 59), в 1921 г. им была издана «Грамматика вотского языка» (Казань, Казанский издательский подотдел, 1919). К сожалению, мне не удалось ознакомиться с ней визуально: не оказалось ее ни в библиотеке Удмуртского государственного университета, ни в библиотеке Удмуртского института языка, литературы и истории УрО РАН, ни в Национальной библиотеке Удмуртской Республики. Если эта грамматика действительно существует (в принципе Т. Борисов в меру своих филологических способностей вполне был способен создать такой труд), то она является современницей еще двух удмуртских грамматик, написанных марийским просветителем П. П. Глезденевым (Краткая грамматика языка народа удмурт, Вятка 1921) и русским финно-угроведом А. И. Емельяновым (Грамматика вотяцкого языка¹, Казань 1921) — последняя также отсутствует в библиотечных фондах Удмуртской Республики. Сравнительное изучение их и оценка научной значимости каждой из них является, следовательно, делом другого исследования.

2. Сборник «Песни южных вотяков», основная часть материала для которого была собрана автором и составителем в д. Кизеково, Кучеряново, Ромашкино, Шайтаново, Асаново, Мукшур Алнашского района в 1913 г. и в дальнейшем дополнена записями, произведенными в 1925—1926 гг. студенткой Восточного педагогического института Ниной Борисовой (в с. Варзи-Ятчи и Кизеково Алнашского района), курсанткой Ижевской совпартшколы Дарьей Ивановой (в д. Вишур Алнашского района) и учеником Ижевской школы фабрично-заводского ученичества Федором Петровым (в деревнях «Троицкой волости Можгинского уезда»). Сборник включает 463 текста на удмуртском языке с подстрочными переводами их на русский язык, произведенными самим Т. Борисовым с помощью его товарищей Канигина и Сапарова (Борисов 1929 : XVI—XVII).

Перевод песен в книге – нередко смысловой, а не буквальный – произведен Т. Борисовым (и его друзьями), как и у некоторых его предшественников Б. Гаврилова (Гавриловъ 1880), Ю. Вихманна (Wichmann 1893) и др., в прозе, причем переводы расположены по образцу вихманновского издания удмуртских текстов в нижней половине каждой страницы, так что оригинальный текст и его перевод оказываются на одной и той же странице, что существенно облегчает пользование книгой.

Т. Борисов, владевший удмуртским, русским, французским языками, изучавший татарский, марийский, коми и калмыцкий (Куликов 1991: VI) и имевший определенное знакомство с финно-угроведческой литературой (Кельмаков 2001 : 7—8), видел в публикуемых текстах не только произведения одного из лирических жанров удмуртского фольклора, но и источник: во-первых, для изучения системы и структуры удмуртского языка²; во-вторых, для обогащения образной системы удмуртского литературного языка³.

¹ Кроме того, А. И. Емельянову принадлежат следующие грамматики: «Сравнительная грамматика угрофинских наречий» (Казань 1922) (Вахрушев 1977 : 102) и «Грамматика вотяцкого языка» (Емельянов 1927).

² «Запись песен оставлена по возможности фактическая, хотя бы она и шла в разрез принятым в последнее время правилам правописания на вотском языке. Это сделано с той целью, чтобы придать данному труду значение не только как популярной, народной книги для распространения среди самой народной массы, но и значение научно-лингвистического труда по изучению пока что неизученного вотского языка» (Борисов 1929 : XVII).

³ «В песнях очень много характерных народных оборотов, и в этом отношении они представляют неоценимый клад дальнейшего развития только что начавшегося литературного книжного удмуртского языка» (Борисов 1929 : XIV).

И в регулярном толковании в сносках южноудмуртских лексических диалектизмов узкого распространения, встречающихся в текстах песен, удмуртский исследователь преследовал, как мне представляется, две взаимосвязанные цели: с одной стороны, сделать понятными публикуемые им материалы для носителей различных диалектов, в том числе и северных; с другой стороны, создать условия для постепенного возможного включения южноудмуртских диалектизмов в «только что начавшийся литературный книжный удмуртский язык», например: *атайлэн* (в сноске: *айылэн, дядяйлэн*, с. 3) 'отца (ген.)', *анайлэн* (*мумылэн*, с. 3) 'матери (ген.)', *тышакез* (*валесэз*, с. 3) 'ее постель', *тузонэз* (*копотез*, с. 3) 'ее пыль', *турлы* (*пöртэм*, с. 7) 'различный, разнообразный', *арама* (*тэль*, с. 8) 'роша, лесок', *ямез* (*шулдырез*, с. 10) 'его красота, его уют', *урам* (*ульча*, с. 10) 'улица', *куяр* (*огреч*, с. 11) 'огурец', *көгöрсинь* (*дыдык*, с. 11) 'голубь', *бусы* (*луд*, с. 12) 'поле', *тату* (*уртче*, с. 13) 'вместе, дружно, мирно', *апай* (*ака*, с. 13) 'старшая сестра; тетя', *алама* (*урод*, с. 35) 'плохой, дурной', *кадыр* (*дан*, с. 35) 'честь, почет', *бай* (*узыр*, с. 36) 'богатый', *кагазэ* (*бумагаэ*, с. 38) 'моя бумага', *капкаосыз* (*зезьыосыз*, с. 38) 'их ворота', *базытэк* (*оскытэк*, с. 57) 'не надеясь', *курдаса* (*кышкаса*, с. 60) 'боюсь', *ят* (в сноске: *мурт*, с. 75) 'чужой, чуждый' (Борисов 1929).

В этом отношении Т. К. Борисов не был первым: аналогичный способ сделать доступным текст, составленный на одном диалекте удмуртского языка, для носителей других был уже использован задолго до него издателями первых книг на удмуртском языке. Так, в книге «Господа нашего Иисуса Христа Евангелія отъ св. Евангелистовъ Матѳея и Марка на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Глазовскаго нарѣчія» (Казань 1847) параллельно использованы лексемы различной диалектной принадлежности, причем нередко в одни предложения в качестве основного варианта включены одни диалектные формы, другие — в качестве поясняющих в скобках (без отсылки на соответствующий диалект), в другие предложения — те же самые формы в противоположном назначении, например: *Бицялò-а атàсь дзiorэднè-лèсь виноград-эзь, либо а р ы х м а н ь - л è с ь* (*люгы-лèсь*) *смоква-эзь?* 'Собирають ли сь терновника винограда, или с репейника смоквы?' (с. 42); *...кыль-дè гинè вèра Тонè, бурмòзьно мынàmь в а р ь (медò) '...а только скажи слово, и выздоровѣт слуга мой'; Тьрмонò дышетс-кисьлè, дышетисьэзь кадь луйз-кэ, м е д о л ы - н о* (*варьлè-но*), *кузидэзь кадь луйз-кэ* 'Довольно для ученика, чтобь онь былъ, какъ учитель его, и для раба, чтобь онь былъ, какъ господинь его' (с. 68); *Потысà-но квинь з а я т ь (чась) дырѣя, адзйзь музднèиосызь вузь-каронь-интийнè тэкь сылысьиосызь* 'И вышедши около третьяго часа, увидѣль другихъ стоящихъ на торгу праздно'; *Ношъ потысà квать укмысь-но ч а с ь è н ь* (*заять увакыть*); *озыкъ карйзь* 'Опять вышедши около шестаго и девятого часа, то же сдѣлалъ' (с. 150).

В аналогичном издании на «сарапульском» диалекте — в книге «Господа нашего Иисуса Христа Евангелія отъ св. Евангелиста Матѳея на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Сарапульскаго нарѣчія» (Казань 1847) — комментарии в скобках к южноудмуртским диалектным словам, как правило, даны в отличие от предыдущей книги с отсылкой на «глазовский» диалект (Глаз., глаз.), например: *Соки Иродь адзиса, Нодомуртйòсь-лèсь м ы с к ы л ь* (глаз. *Серèмь*) *карэмьзэсь, тужь возжэ вайзь...* 'Тогда Иродь, увидя что онь осмѣянъ отъ Волхвовъ, весьма разгнѣвался...' (с. 9); *Цюкындырыськэмь берè Исусь з а м à н ь* (глаз. *соку-йкь*) *вуйсь потызь; тани-но Со уватцйкь устськйзь Инь, Иоаннè-но адзйзь Инмарь-лèсь уваськэмь Луль-зэ, к э г э р с и н ь* (глаз. *дыдыкь*) *тусьèмь Со вылè лыктэмьзэ* 'И какъ скоро Исусь крестившись, вышелъ изъ воды; Се отверзлись Ему Небеса и Иоаннъ увидѣль Духа Божия, который сходилъ какъ голубь и ниспускался на него' (с. 14); *Исусь отысь потыкызь, кыкъ с у к ы р ь i о с ь* (Глаз. *синтэмьиось*) *бèрысьзè иынысà, церекьясà-но веразы: жàля милемьзè Исусь Давидь ни!* 'Когда Исусь шель оттуда; двое слѣпыхъ, идучи за Нимъ, кричали и говорили: умилосердись над нами, Исусь, Сынъ Давидовъ!' (с. 80).

Еще разнообразнее использованы диалектизмы в издании начала XX века — в книге «Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангеліе отъ Матѳея, Марка, Луки и Иоанна

на удмуртском языке» (Казань 1912). Перевод в целом произведен на «казанский» диалект удмуртского языка, однако использованы лексические и фонетические диалектизмы не только «казанского», но и других диалектов, причем тремя различными способами:

1) формы «казанского» диалекта толкуются путем приведения в сносках соответствий из других говоров, например: *Иродъ Нуныез вѣтон понна Сое утчатыны т ы р т э* (в сноске: *Одья*); *шуэм* (с. 6) '...ибо Ирод намерен искать ребёнка, чтобы уничтожить Его'; *Иосифъ уйын султуса Нуныез но а н а й з э* (в сноске: *Мумызэ*) *но басьтыса Египетэ кошкем* (с. 6). 'И он встал и взял ребёнка и Его мать ночью, и удалился в Египет'; ... *Дёскыт капка, а м с ы р* (в сноске: *Сюбет*) *сюрес кулонтэм улонэ пыртэ, соёсыз ы ж ы т* (в сноске: *Ичи*) *муртъёс гынэ шетто* (с. 19) 'Потому что узки ворота и стеснённый путь, ведущий к жизни, и мало тех, кто находит их';

2) в качестве основного варианта использованы формы других диалектов, «казанские» присутствуют лишь в сносках для толкования иных диалектных явлений, например: *Галилея зарезьлэн дуртйз ветлыкыз Со кык б р а т ъ ё с ы з* (в сноске: *Агай-выньёсыз*): *Петръ шуэм Симонэз, солэсь вынзэ Андрейез адзем...* (с. 10) 'И, проходя возле Галилейского моря, Он увидел двух братьев: Симона, называемого Петро, и Андрея, его брата...'; *Зэмик верасько тйледлы: инен музьем мукет луытось, законлэн одйг кылыз но, одйг гоштэтэз но уз б ы р ы* (в сноске: *Бытмы*) (с. 12) 'Ибо истинно говорю вам: пока не уйдёт небо и земля, ни одна йота и ни одна чёрточка ни в коем случае не уйдёт из закона...'; *Иисусь Петрлэн корказ лыктэм бераз, солэн в а р м у м ы е з л э с ь* (в сноске: *Абёзлэсь*) *пёсь-кылен висьса кыльлемзэ адзем* (с. 21) 'И Иисус, придя в дом Петра, увидел, что его тёща лежит и у неё горячка';

3) формы казанского и других диалектов использованы равноправно в качестве основных вариантов в пределах одного предложения, например: *Вожпоттысеныд сюрес вылын дыръядйк тупа; од-ке кары, со тонэ судьялы сётоз, судья л я л ь ч и ё с ы з л ы* (в сноске: *Дяльчюсызлы, медоосызлы*) *сётыса, тонэ т ю р м а е* (в сноске: *Казаматэ*) *б о р з а т о з* (в сноске: *Ворсатоз, пыдсалоз*) (с. 13) («казанские» формы: *дяльчюсызлы, борзатоз*) 'Скорее благоволи к своему противнику в суде, пока ты с ним в пути, чтобы не отдал тебя противник судье, а судья служителю, и ты не был брошен в тюрьму'.

Однако в отличие от переводчиков вышеприведенных книг Т. Борисов был несколько стеснен в способах использования материалов различных говоров. Поскольку он сам не составлял тексты, а лишь публиковал уже готовые, то его роль в данном случае заключалась лишь в толковании южноудмуртских диалектизмов в языке песен с помощью их соответствий в других говорах, а не в разнообразии включения их в структуру текста.

Тем не менее подобное трепетное отношение Т. Борисова к языку публикуемых песен ставит рассматриваемый сборник — несмотря на орфографические ошибки и прочие погрешности — в один ряд с лучшими образцами фольклорно-диалектологических публикаций на удмуртском языке, произведенных в конце XIX — начале XX в. как отечественными, так и зарубежными исследователями удмуртского языка: Б. Г. Гавриловым (Гавриловъ 1880), Т. Г. Аминоффом (Aminoff 1886), Н. Г. Первухиным (Первухинъ 1888), Б. Мункачи (Munkácsi 1883; 1887), Ю. Вихманном (Wichmann 1893; 1901; 1901a), И. Н. Смирновым (1890 (Приложение) 39 + 4), С. Багиным (Багинъ 1897) и др., с одной стороны, и делает вполне ожидаемым для финно-угроведов появление следующего исследования Т. К. Борисова в области удмуртского языкознания — диалектологического словаря «Удмурт кыллюкам. Удмуртско-русский толковый словарь» (Борисов 1933), с другой.

3. Источником для его третьего труда — «Удмурт кыллюкам» — послужили, как свидетельствует «Предисловие» к нему, следующие категории изданий: 1) печатные словари конца XIX — начала XX в. (Ф. И. Видеманна, Б. Мункачи, Г. С. Лыткина, Я. Ильина, В. Д. Крылова, П. Д. Горохова, С. П. Жуйкова и др.); 2) тексты произведений удмуртского фольклора, опубликованные Ю. Вихманном, К. Гердом, И. В. Яковлевым,

Сарман Педором, Т. Борисовым и др.; 3) материалы, извлеченные из периодической печати; 4) грамматики, учебники и учебные пособия; 5) художественные произведения удмуртских писателей, изданные в 20-е годы (Борисов 1991 : XXIII—XXIV).

Словарь имеет не столько нормативный, сколько диалектологический характер; однако при фиксации диалектных форм автор вынужден был воспользоваться не научной транскрипцией, а практическим удмуртским письмом (названным им «транскрипцией»), о чем он и сообщает в предисловии: «В общем, несмотря на ряд недостатков существующей удмуртской транскрипции, при составлении словаря пришлось руководствоваться установленными правилами, хотя вначале словарь составлялся академической транскрипцией по образцу проф. Вихмана» (Борисов 1991 : XV). Это и понятно, ибо словарь предназначался для практического пользования людям, в большинстве своем не знакомым с транскрипцией, тем более на латинской графической основе. Но и при использовании практической орфографии Т. К. Борисову удалось сохранить определенные фонетические особенности произношения диалектных форм с указанием на их диалектную принадлежность, в частности:

1) употребление анлаутного ∂' (d') в периферийно-южном диалекте на месте \dot{y} - (j -) других⁴, например: юн, кр. юж. *дюн* 'крепкий' (с. 94); *йӧл*, кр. юж. *дӧл* 'молоко' (с. 95); *йӧ*, кр. юж. *дӧ* 'лед' (с. 117); ю, кр. юж. *дю* 'хлеб в поле зерном'; ср. *юбо*, кр. юж. *дюбо*, св. юж. *йыбо* 'столб' (с. 363);

2) наличие сонанта η в южных говорах на месте иных носовых в других диалектах, например: св., ср. *бам*, юж. *банг* 'щека, лицо' (с. 24); *зынг*, св. *зым* 'запах' (с. 109); ср. *янак*, юж. *янгак*, кр. юж. *дянак*, св. *косяк* 'косяк' (с. 369). Кстати, относительно распространения этого согласного в удмуртской языковой области и восточных финно-угорских языках и его происхождения автор придерживается вполне приемлемого и в настоящее время мнения: «Северная граница носового звука «н» (т. е. согласного η . — В. К.)⁵ идет по границе бывших волостей Бурановской, Советской, Нылги-Жикьянской, Вавожской и Водзимонской. Звука «н» носового совсем нет у коми-зырян и коми-пермяков, ближайших соседей по языку. Он имеется в языке мари-черемис. У мари он распространен во всех наречиях языка, напр. в словах: *анга* — полоса, *чанга* — галка, *онга* — доска, *анг* — отверстие. У мордвы этот звук сохранился только [у] эрзи-мордвы, напр. в словах: *пенгэ* — дрова, *ленгэ* — лыко... Этот «н» носовой по своему историческому происхождению берет начало из пра-угро-финского языка, так как имеется и в мадьярском языке» (Борисов 1991 : XIV);

3) употребление палатальных n' (n'), t' (t') и ∂' (d') в позиции после i (i) в южных говорах на месте велярных n (n), t (t) и ∂ (d) других говоров, например: юж. *кинъ*, св. *кин* 'кто' (с. 133); св., ср. *пинал*, юж. *пинял* 'молодой, юный, ребенок, дитё' (с. 221); св., ср. *гид*, юж. *гидь* 'задворье, задний двор, загон, хлев' (с. 74); *пумит*, юж. *пунить* 'навстречу, направить против' (с. 234);

4) употребление аффрикат \dot{z} (\dot{z}), \dot{z} (\dot{z}), и \dot{c} (\dot{c}) в срединных говорах на месте щелевых в других говорах⁶, например: юж. *жажы*, ср. *жажы*, св., з. *уктис* 'полка' (с. 101); *жошон*, ср. *жошон* 'толокно' (с. 102); *жужаны*, ср. *жужаны* 'всходить, подниматься, расти' (с. 103); *зеъыны*, ср. *зеъыны* 'пороть, распороть' (с. 110); *зуъыны*, ср. *зуъыны* 'хлебнуть' (с. 113); *чошкыт*, ср. *чошкыт* 'ровный, ровно' (с. 333); ср. *чушкон*, юж. *чушиськон* 'полотенце';

5) употребление \dot{y} - (\dot{y} -) в позиции перед a (a) в северных и некоторых иных говорах на месте v - (v -) других диалектов, например: *вазь*, з., св. *уазь* 'рано', св. *уазыны*, юж.

⁴ «Звук «й» других говоров в начале слова на крайне-южном наречии переходит в «дъ». Данный признак резко выдает южанина-удмурта» (Борисов 1991 : XVII).

⁵ Отдельные фонемы и языковые примеры для удобства восприятия даются курсивом, хотя у Т. Борисова они не выделены.

⁶ «С р е д и н н о е н а р е ч и е изобилует аффрикатами. Аффрикаты имеются хотя и во всех наречиях, но в срединном наречии они встречаются и в тех случаях, где их нет в других наречиях. Данным признаком срединное наречие ближе стоит к коми-зырянскому языку» (Борисов 1991 : XVI).

вазыны 'окрикнуть, звать', св. *уалы*, кр. юж. *валы* 'бережая лошадь', св. *уамен*, юж. *вамен* 'поперек, поперечный', *вань*, з., св. *уань* 'есть, имеется', св. *уапум*, юж. *вапум*, *вапун* 'время, пора', св. *уарс*, ср. *варсь* 'сусло пивное', *васькыны*, з. св. *уаськыны* 'сходить, слезать', св. *уашкала*, юж. *вашкала* 'старина' (с. 296);

6) употребление гласного *у* (*и*) или *ы* (*й*) в первом слоге слов (в зависимости от диалекта)⁷, например: *зумон*, *зымон* 'ныряние в воду', кр. юж. *зундэс*, юж. *зындэс*, ср. юж. *зумдэс* 'кольцо, перстень' (с. 108); юж. *нымыр*, св. ср. *нумыр* 'червь' (с. 199), *пуны*, *пыны* 'собака', ср. *пуныны*, юж. *пыныны* 'вить веревку, косу плести' (с. 235); *шудыны*, *шудыны* 'играть' (с. 353);

7) функционирование в десятке корней гласного *и* (*й*) в южном наречии на месте *ы* (*й*) в северном, например: *бызыны*, юж. ср. бес. *бызыны* 'бежать, течь; выходить замуж' (с. 29), юж., ср. *виль*, св. *виль* 'новый' (с. 53), *ызы*, *изы* 'шапка' (с. 356), *тысё*, св. *тысё* 'зернистый'.

Однако возможности практической графики и орфографии литературного языка того времени в целях фиксации диалектных особенностей произношения не были безграничны; при отсутствии в графической системе специальных букв для обозначения особых диалектных звуков последние оказываются не отмеченными. Так, словарь «Удмурт кыллюкам» не фиксирует такие яркие фонетические особенности диалектов, как 1) наличие фонемы *й* (*й*) в периферийно-южных говорах. Правда, автор дает ей вполне квалифицированную характеристику, точно определяет ее территориальную распространенность и находит ей типологическую параллель в других родственных и неродственных языках Волго-Камья: «Имеется еще звук среднего ряда, между передним и задним «у», который в удмуртской практической письменности когда-то обозначался через «й», а еще раньше через «ŷ». Примеры: *уй*, *йй*⁸ — ночь, *ку*, *кй* — кожа. Этот звук наиболее распространен в крайне-южном наречии, хотя имеется и в других наречиях удмуртского языка. Подобного звука нет ни у коми, ни у мордвы. Он встречается у мари, напр.: *йй* — масло, *ййд* — ночь, *вйд* — вода. В чувашском языке звук «й» является обычным (*йпре* — кошка, *сйре* — борона)» (Борисов 1991 : XIV);

2) заднерядный характер гласной фонемы *ы* (*а*), встречающейся в бесермянском наречии, в отдельных говорах северного наречия, южного и периферийно-южного диалектов и отмечаемой в транскрипции на кириллической основе знаком *ъ*, например: отдельные говоры южн. и сев., бес. *кък* (*kăk*) ~ другие диал. *кък* 'два', отдельные говоры южн. и сев., бес. *мънэ* (*măne*) ~ другие диал. *мынэ* 'идет, едет' и др. Наличие этого варианта гласного *ы* (правда, лишь в диалектах северного наречия) было замечено исследователем: «В части северного наречия с охватом незначительного количества населения существует редуцированный «ы», характеризующийся краткостью и сравнительной широкостью произношения» (Борисов 1991 : XIV—XV);

⁷ Попытка интерпретировать междиалектные соответствия фонем в терминах исторической фонетики — перехода одной фонемы в другую — не всегда венчается успехом. Так, в отношении данного явления Т. Борисов пишет: «Звук «ы» южного наречия в некоторых словах в северном наречии п е р е х о д и т (выделение мое — В. К.) в «у»: *пыны* (юж.), *пуны* (св. ср.) — собака; *кыны* (юж.) *куны* (св. ср.) — ткать; *сокы* (юж. бес.), *соку* (св.) — тогда; *мыныкы*, *ветлыкы* (юж.), *мыныку*, *ветлыку* (св., часть ср.) — во время хождения» (Борисов 1991 : XVI). Если морфема *-кы* (с *ы*) в южных формах *сокы*, *мыныкы*, *ветлыкы* действительно является первичной по отношению к сев. *-ку* (с *у*), то южн. *пыны*, *кыны* (с корневым *ы*) и сев. *пуны*, *куны* (с корневым *у*) одинаково вторичны и восходят к более ранним формам на *й* (*й*), последовательно сохранившимся в отдельных периферийно-южных говорах: шошм. *пйны*, *кйыны*, бавл. *пйны*, *кйыны*, татш. *пйнь*, *кйынь* и др. Неправ Т. Борисов и в том случае, когда утверждает: «В северном наречии в отличие от остальных наречий имеется выпадение звука «л» в начале слов: *югыт* (св.), *люгыт* — светло; *юкмес* (св.), *люкмес* — прорубь» (Борисов 1991 : XVI). Здесь, напротив, имеем сохранение более раннего *й*- в северных диалектах и переход их в *л*' — в южных.

⁸ Здесь и далее в удмуртских диалектных, марийских и чувашских примерах пишется буква *й*, хотя у Т. Борисова на ее месте по техническим причинам стоит буква *у* (Борисов 1991 : XIV).

3) огубленное произношение *ö*, отмечаемое в научной транскрипции на основе кириллицы знаком *ö̃(đ)* и характерное для большинства периферийно-южных говоров. И некоторые другие.

Примечательно то, что у Т. Борисова еще в те времена были вполне приемлемые представления о диалектном членении удмуртского языка на «северное наречие» (по старой терминологии «глазовский» диалект), «срединное наречие» («сарапульский» и «малмыжский» диалекты), «южное наречие» («елабужский диалект») и «крайне-южное наречие» («казанский» и «уфимский» диалекты) и об основных дифференциальных признаках их как в области фонетики, так и на морфологическом уровне (Борисов 1991 : XV—XVIII). Естественно, он не смог предусмотреть те возможные уточнения в диалектном членении удмуртского языка, которые будут внесены впоследствии в связи с описанием ранее неизученных диалектов. Так, говоря о дальнейшем дроблении «крайне-южного наречия» (по современной терминологии «периферийно-южного диалекта») он оперирует лишь «верхне-завятским» (совр. «шошминский»), «нижне-завятским» или «казанским» (совр. «кукморский») и «закамским» (совр. «буйско-таныпский») говорами (Борисов 1991 : XVIII), поскольку бавлинский, татышлинский, красноуфимский и другие тогда еще не были описаны.

Несмотря на некоторые неточности, множество описок и определенный примитивизм в фиксации фонетических особенностей диалектной лексики, обусловленные его «научно-практической целевой установкой», «Удмурт кыллюкам. Удмуртско-русский толковый словарь» Т. К. Борисова, наряду со словарями Б. Мункачи (Munkácsi 1896) и Ю. Вихманна (Wichmann 1987) (материал был собран в конце XIX в.), вплоть до наших дней является одним из важнейших диалектологических словарей удмуртского языка и как источник удмуртской лексики пользуется непререкаемым авторитетом у специалистов по финно-угорской этимологии. Не случайно он, наравне со словарем Б. Мункачи (Munkácsi 1896), «Удмуртско-русским словарем» (1948) и «Русско-удмуртским словарем» (1956), упоминается в качестве одного из основных источников удмуртской лексики при составлении этимологических словарей финно-угорских языков, таких как КЭСК В. И. Лыткина и Е. С. Гуляева, UEW К. Реди и др.

В заключение следует заметить, что указанные труды Т. К. Борисова ставят его в один ряд с такими российскими исследователями удмуртского языка третьего периода в истории удмуртской лингвистики (80-е годы XIX — середина 30-х годов XX в.), какими являются И. В. Яковлев, А. И. Емельянов, С. П. Жуйков и некоторые другие.

Сокращения

бавл. — бавлинский говор периферийно-южного диалекта; **бес.** — бесермянское наречие (Борисов и др.); **в. св.** — восточные говоры северного наречия (Борисов); **з.** — (?) западные говоры (Борисов); **з. св.** — западные говоры северного наречия (Борисов); **кр. юж.** — крайне-южное наречие (Борисов); **м.** — (?) малмыжский диалект (Борисов); **св.** — северное наречие (Борисов), см. **сев.**; **сев.** — северное наречие, см. **св.**; **ср.** — срединное наречие (Борисов); **татыш.** — татышлинский говор периферийно-южного диалекта; **шошм.** — шошминский говор периферийно-южного диалекта; **юж.** — южное наречие (Борисов), см. **южн.**; **южн.** — южный диалект, см. **юж.**

ЖУК 1960 — Жингырты, удмурт кырзан!: Нотаосын кырзан сборник, Ижевск 1960; **УКК 1936** — Удмурт калык кырзан'ёс (Ньыльчур'ёс), Ижевск 1936.

ЛИТЕРАТУРА

- Багинь С. 1897, Свадебные обряды и обычаи вотяковъ Казанскаго уѣзда. Этнографическій очеркъ. — Этнографическое обозрѣніе, № 2, 59—92.
 Борисов Т. К. 1929, Песни южных вотяков, Ижевск.
 — 1932, Удмурт кыллюкам. Удмуртско-русский толковый словарь, Ижевск.
 — 1991, Удмурт кыллюкам, Ижевск [Переиздание стереотипное].

- Вахрушев В. М. 1977, Библиография по удмуртскому языкознанию (со второй половины XVIII в. по 1976 год). — Филологические исследования в Удмуртии. Сб. статей и библиография, Ижевск, 89—134.
- Гаврилов Б. 1880, Произведения народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерний, Казань.
- Емельянов А. И. 1927, Грамматика вотяцкого языка, Ленинград.
- Кельмаков В. К. 2001, К истории преподавания финно-угорских языков и дисциплин финно-угроведения в УдГУ. — Вордскем кыл, № 6, 6—19.
- Куликов К. И. 1991, Реабилитирован посмертно (к биографии Т. К. Борисова). — Т. К. Борисов, Удмурт кыллюкам, Ижевск.
- Первухин Н. Г. 1888, Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда. Эскизь III: Слѣды языческой древности въ образцахъ произведеній устной народной поэзии вотяковъ (лирическихъ и дидактическихъ), Вятка.
- Писатели Удмуртии. Биобиблиографический справочник, Ижевск 1989.
- Смирновъ И. Н. 1890, Вотяки. Историко-этнографическій очеркъ, Казань (Извѣстія Общества археол., ист. и этногр. при Императорскомъ Казанскомъ ун-тѣ, т. 8, вып. 2).
- Удмуртская Республика. Энциклопедия, Ижевск 2000.
- Aminoff T. G. 1886, Wotjakilaisia kielinäytteitä. — JSFOu 1, 32—55.
- Munkácsi B. 1883, Wotják nyelvmutatványok. — NyK XVII, 247—302.
- 1887, Wotják népköltészeti hagyományok, Budapest.
- 1896, A wotják nyelv szótára, Budapest.
- Wichmann Y. 1893, Wotjakische Sprachproben I. Lieder, Gebete und Zaubersprüche, Helsingfors.
- 1901, Wotjakische Chrestomathie mit Glossar, Helsingfors.
- 1987, Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen, Helsinki (LSFU XXI).